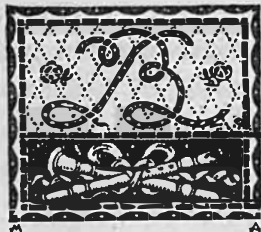

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ТЕАТРАЛА 40—60-ХЪ ГОДОВЪ.

ПАВЛА РОССІЕВА.

ЕСЬМА любопытна и даже относительно полезна можетъ быть характеристика губернскихъ театровъ, — говорилъ «Пантеонъ русскаго и всѣхъ европейскихъ театровъ», направляемый Ѡ. А. Кони, — сверхъ того, «нигдѣ такъ не проявляется умственное развитіе общества, какъ въ театрѣ, тамъ, гдѣ иногда поневолѣ высказываются мнѣнія, вѣрованія и убѣжденія. Поговоримъ же о театрѣ. Но мы будемъ снисходительны къ нашимъ читателямъ и ограничимся замѣчаніями относительно только тѣхъ лицъ, которыя или сами по себѣ хороши, или нравятся публикѣ».

На этомъ основаніи и мы хотимъ сдѣлать извлеченія изъ рукописныхъ записокъ лица, для котораго «театръ болѣе, чѣмъ необходимость, ибо вся моя духовная жизнь сосредоточивается на немъ; театръ есть ось, около которой вращаются всѣ мои чувства и мысли»... Записки безъимянны, писаны военнымъ и, какъ можно думать, Вольховскимъ, племянникомъ извѣстнаго генерала, дѣйствовавшаго на Кавказѣ вмѣстѣ съ барономъ Г. В. Розеномъ и воспѣтаго соратниками:

...Не помнишь-ли, товарищъ мой прекрасный,
Когда въ лѣсу, средь неприступныхъ скалъ,
Нашъ злобный врагъ готовилъ пиръ ужасный
И дерзко звалъ на гибельный заваль,
Когда пошли—и бездны задрожали:
Вольховскій вель тогда со славой насъ?
Тамъ каждый шагъ мы кровью обагряли,
Но смѣло шли, и страхъ склонилъ Кавказъ! 1).

Авторъ «сосредоточивалъ свою духовную жизнь» на театрѣ, когда царили одновременно мелодрама и водевиль съ куплетами, подписанный

1) Воспоминаніе о Горской экспедиціи 1832 г. Ее пѣлъ и А. И. Полежаевъ.

изъ записокъ ТЕАТРАЛА 40—60-хъ годовъ.

П. И. Григорьевымъ, Ф. А. Кони, П. А. Каратыгинымъ, Д. Т. Ленскимъ и Н. А. Перепельскимъ. Никакое высокое положеніе въ труппѣ не освобождало артистовъ отъ водевильной роли. В. В. Самойловъ могъ мысленно парить къ высокой комедіи и мечтать о классическомъ репертуарѣ, но, появляясь на сценѣ Александринскаго театра, онъ распѣвалъ куплеты изъ какого-нибудь «Волшебнаго ку-ку-реку»:

Въ одной деревнѣ мальчикъ жилъ
И вздумалъ въ дѣвушку влюбиться;
Подъ окна къ ней онъ все ходилъ,
Но съ ней не могъ онъ объясниться... и т. д.

Ложно-классики померкли, бытовики: Островскій и Потѣхинъ только принимались еще острить перья; театры, и столичные, и провинціальныя, питались отъ усердія Н. Полевого, Кукольника переводными мелодрамами и отечественными водевилистами. «Ревизоръ» и «Горе отъ ума», среди «Чумы», «Сына Любви», «Наполеоновскаго гвардейца» и т. п. хорошо забытыхъ произведеній, представляли слабые солнечные лучи, пробивавшіяся между тяжело нависшихъ тучъ.

Записки Вольховскаго незначительны по объему и не представляютъ большой цѣнности по содержанію, но гнушаться ими нельзя, въ особенности, имѣя въ виду малочисленность этого рода словесности; между тѣмъ, по справедливому выраженію покойнаго академика А. Н. Пыпина, рукопись всегда представляетъ единичный экземпляръ извѣстнаго произведенія; но нерѣдко она бываетъ вполнѣ *unicum*, единственнымъ экземпляромъ, какъ и на сей разъ. Вольховскій перевидалъ всѣхъ петербургскихъ артистовъ своего времени, многихъ московскихъ и провинціальныхъ, видѣлъ онъ на сценѣ и знаменитую *mademoiselle* Марсъ и слышалъ Дж. Рубини; онъ водилъ дружбу съ актерами и, на примѣръ, извѣстный малороссійскій актеръ и драматическій писатель Дмитренко (авторъ неувядаемой комедійки: «Кумъ Мирошникъ, или сатана въ бочкѣ») посвятилъ ему одинъ изъ своихъ водевилей. Онъ умѣлъ чувствовать дарованія, судилъ объ актеряхъ непосредственно, искренно, иногда очень экспансивно; но таковы сужденія

любого страстнаго театрала. Наконецъ, театралъ нашъ, усердно посѣщая театры, интересовался всѣмъ, что болѣе или менѣе касалось и относилось до «храма искусствъ»; поэтому, въ Запискахъ приводится мало того, что репертуаръ и бенефисы въ Александринскомъ театрѣ 40-хъ годовъ, но также число посѣтителей и даже каретъ и экипажей, дожидавшихъ на площади. (Напримѣръ, 28 іюля 1844 г. представлена: «Наслѣдство»—драма въ 5 дѣйствіяхъ, переводъ съ французскаго Д. Григоровича. Посѣтителей 650, каретъ 25, экипажей 15).

Наши извлеченія касаются, главнымъ образомъ, тѣхъ артистовъ, которые и «сами по себѣ хороши и нравились публикѣ».

«...Въ 1846 году, послѣ долгихъ сборовъ, наконецъ, удалось мнѣ съѣздить въ Харьковъ 13 іюня; тогда тамъ было собраніе нѣсколькихъ замѣчательныхъ артистовъ. Въ тотъ день играли: «Филиппъ», драму въ 1 д., «Москаль-Чаривникъ», вод. въ 1 д., въ коихъ участвовалъ Московскій артистъ Щепкинъ, «Путешественникъ и путешественница», вод. въ 1 д., въ коемъ участвовалъ Московскій актеръ (В. И.) Живокини».

«14 іюня бенефисъ С.-Петербургскаго артиста Григорьева 1-го (слѣдов. Петра Ивановича): «Сынъ любви», драма въ 4 дѣйствіяхъ, передѣланная съ нѣмецкаго, въ коей игралъ роль Фрица въ первый разъ по выходѣ на сцену г. Михайловскій, ученикъ г. Григорьева; несмотря на большую робость, онъ сыгралъ изрядно, только жаль, что не совсѣмъ ровно, — иные монологи читалъ онъ очень хорошо, другіе дурно. Роль пастора Эрмини сыгралъ г. Григорьевъ; нужно-ли сказать, что онъ исполнилъ ее превосходно, особенно въ послѣднемъ дѣйствіи онъ былъ очарователенъ. Роль ловчаго (охотника) игралъ Щепкинъ какъ нельзя лучше. «Жена и карты», вод. въ 1 д., сочиненіе бенефицианта; водевиль очень хорошъ и прекрасно разыгранъ самимъ сочинителемъ и г. Дранше. «Домикъ холостяка», вод. въ 1 д., весьма хорошо разыгранный Григорьевымъ, Живокини и Максимовымъ ¹⁾).

¹⁾ Максимовъ, К. Михайловичъ, одинъ изъ пяти братьевъ Максимовыхъ, служившихъ на сценѣ Александринскаго театра.

изъ записокъ театрала 40—60-хъ годовъ.

«16 июня былъ послѣдній спектакль съ Щепкинымъ и Григорьевымъ... Шла «Женитьба» Гоголя и еще какіе-то водевили»¹⁾).

«Въ концѣ августа пронеслись по Чугуеву пріятные слухи, что харьковская труппа хочетъ навѣстить Чугуевъ на время кампанента²⁾; сначала я полагаю, что этотъ слухъ совершенно ложный, но посѣтивши манежъ, я увидѣлъ, что дѣйствительно тамъ сооружается временный храмъ искусствъ; признаю, я совершенно ожилъ: душа моя снова получить наслажденія; я былъ въ восторгѣ... 4 сентября я посѣтилъ Чугуевъ. На слѣдующій день ожидали спектакль; я желалъ посѣтить нѣкоторыхъ артистовъ и отправился искать ихъ по городу; по дорогѣ зашелъ въ манежъ и, вопреки моему ожиданію, сцена и мѣста для зрителей были устроены какъ нельзя лучше, хотя сцена была весьма невелика, но *для водевиля* лучше нельзя и придумать сцены: такъ все было пропорціонально. Для актеровъ мѣста, гдѣ они должны были одѣваться, не совсѣмъ были удобны, тѣмъ менѣе обширны, но этого устроить было нельзя за неимѣніемъ мѣста; кромѣ кресель и стульевъ, которыхъ было рядовъ до 12, было нѣсколько скамеекъ, гдѣ устроены были партеры; за нимъ 6 ложъ, которыя, по своей отдаленности отъ сцены, были (устроены) весьма невыгодно; подъ самымъ потолкомъ былъ раекъ. Я слышалъ, что устройство этого временнаго театра обошлось Харьковской дирекціи до 1.500 рублей ассигн.

Главнымъ виновникомъ театра въ Чугуевѣ былъ полковникъ Рубецъ...³⁾).

Несмотря на то, что на слѣдующій день ожидали представленія, изъ

¹⁾ М. С. Щепкинъ любилъ путешествовать ради отдыха и подсобнаго заработка къ жалованью, которое онъ получалъ отъ дирекціи Императорскихъ театровъ въ 1846 году въ размѣрѣ 1.142 р. 82 к. да разовыхъ по 35 р. 70 коп. отъ спектакля, не считая полнаго зимняго бенефиса. Въ 1846 г. онъ участвовалъ въ 43 спектакляхъ. Поездка на югъ въ маѣ этого года отмѣчается потому, что Щепкинъ выступалъ въ театрахъ Калуги, Воронежа, Курска, Харькова, Одессы, Николаева, Херсона, Севастополя, Симферополя и друг. городовъ, и еще потому, что съ нимъ путешествовалъ Бѣлинскій, по отзыву котораго знаменитый артистъ «смотрѣлъ за нимъ, какъ дядька за недорослемъ». Путешествіе критика было вынужденное, вслѣдствіе крайняго разстройства здоровья.

²⁾ Лагерь (campement).

³⁾ Въ Чугуевѣ Рубецъ командовалъ, кажется, резервной кавалеріей.

артистовъ еще никто не прибылъ. Въ тотъ же вечеръ я уѣхалъ изъ Чугуева съ грустнымъ чувствомъ. 1-й спектакль былъ въ пятницу 6 сентября, играли: «Швейцарскую хижину», оперетту въ 1 д., «Москаль Чаривникъ», вод. въ 1 д., и водевиль «Жена и зонтикъ», я не видѣлъ этого спектакля. На другой день, во 2-й спектакль, давали: «Что имѣемъ — не хранимъ; потерявши плачемъ», «Зятюшку» и еще какую-то пьесу. Я пріѣхалъ въ Чугуевъ часу въ девятомъ и не могъ посѣтить артистовъ, ибо они уже были въ спектаклѣ. На мою бѣду грязь была ужасная, но, несмотря на это, я пустился бродить около манежа; экипажей было весьма достаточно, даже нѣсколько каретъ, но болѣе всего повозокъ, какъ самага обыкновеннаго экипажа у большей части армейцевъ... Передъ самымъ окончаніемъ спектакля я вошелъ въ дверь залы; освѣщеніе театра было хорошо: одна люстра привѣшена къ потолку; по стѣнамъ лампы въ довольно близкомъ разстояніи одна отъ другой; однимъ словомъ, трудно было повѣрить, чтобъ это былъ тотъ самый манежъ, гдѣ до сего времени, кромѣ командъ, конскаго топота и хлопанья бичей, ничего не раздавалось; публику я не могъ разсмотрѣть, ибо минуты двѣ послѣ моего прибытія занавѣсъ упалъ и публика начала расходиться.—На другой день утромъ, въ 11-мъ часу, я отправился искать любезныхъ для моего сердца артистовъ: Максимова, Леонова и Дранше; послѣ довольно долгихъ поисковъ я ихъ нашелъ; радость моя при свиданіи съ ними была непритворная; около полутора-часа, которые для меня показались пятью минутами, провелъ я въ самой пріятной для меня бесѣдѣ, и принужденъ былъ ихъ оставить, ибо имъ надлежало отправиться на репетицію...

8-го сентября (3-ій спектакль) давали сначала—не припомню, какую-то малороссійскую пьесу, послѣ нея: «Жена и карты», вод. въ 1 д., и «Комедія съ дядюшкой», вод. въ 1 д. Первыхъ двухъ пьесъ я не видалъ... «Комедія съ дядюшкой» только-что началась, и когда я сталъ въ первой кулисѣ, то вышелъ полтавскій помѣщикъ (Бобровъ) съ извѣстнымъ: «Охъ, ужъ Питерьъ, ой, ой, ой!..» Водевиль шелъ довольно хорошо, особливо г-жа *Млотковская*, игравшая главную роль, была очень мила, пѣла куплеты,

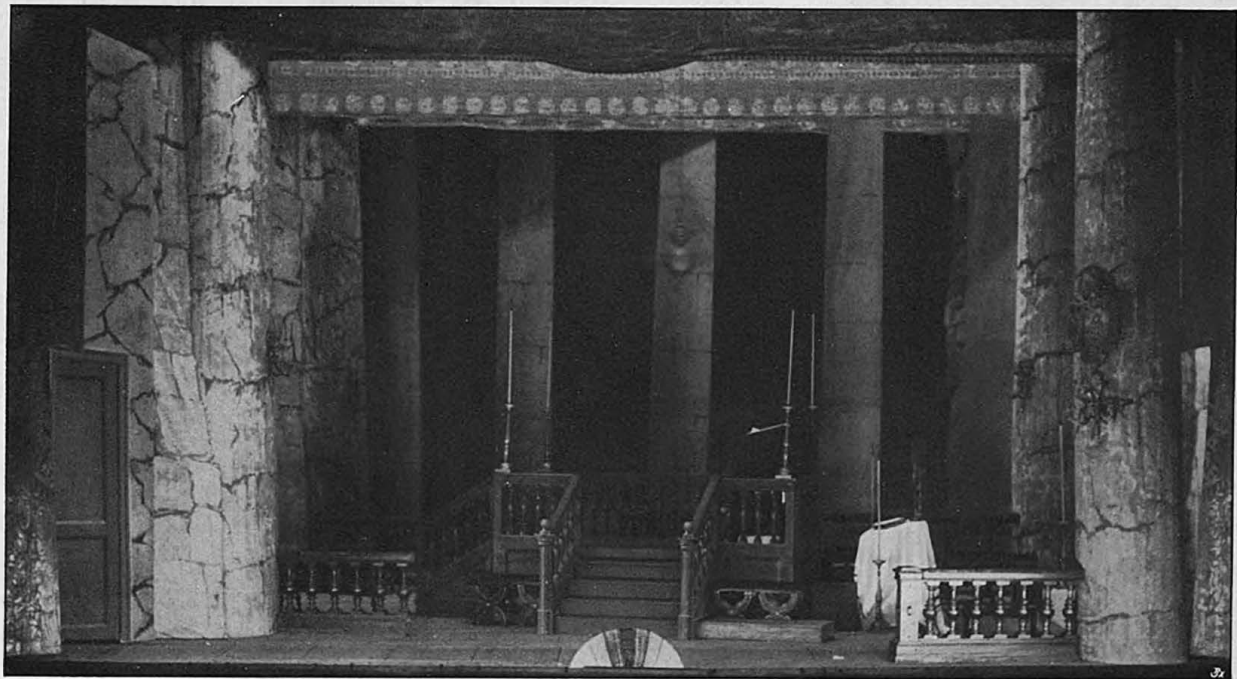
изъ записокъ театрала 40—60-хъ годовъ.

какъ нельзя лучше. Г-нъ Домбровскій, игравшій слугу хохла, былъ такъ отлично костюмированъ и такъ себѣ передѣлалъ искусно лицо, что, стоя возлѣ него, можно было почестъ его за хохла, только что взятаго отъ плуга. Г. Леоновъ и Бобровъ исполнили свои роли довольно отчетливо.

Слѣдующій спектакль составился изъ комедіи-оперетты «Заколдованный принцъ» и водевиля «Полюбовная сдѣлка, или Русскіе въ Баденѣ». Въ Запискахъ читаемъ: главную роль сапожника Ганса (въ «Заколдованномъ принцѣ») занималъ Дранше; онъ исполнилъ ее хорошо. Г-жа Млотковская очень мило исполнила роль молоденькой наивной дѣвушки; несмотря на свои 40 лѣтъ, на сценѣ она такъ хороша и такъ естественно представляетъ молоденькихъ. что въ нее можно влюбиться; ее можно назвать украинской Mars. — ¹⁾). Объ остальныхъ артистахъ я ничего не

¹⁾ «Украинская Марсъ», Млотковская, это—артистическое имя, которое сохранить лѣтопись русского театра. Она занимала амплу ingénue dramatique и comique, но, въ условіяхъ провинціального театра, исполняла роли и другого амплу и выступала даже въ оперѣ. Подвизаясь вдали отъ столицъ, даровитая артистка была извѣстна и цѣнилась и тамъ. «Пантеонъ и Репертуаръ», выдававшій портреты *знаменитыхъ* писателей и артистовъ, готовъ былъ съ *удовольствіемъ* приложить (1846) портретъ Млотковской, если бы имѣлся схожій.

Мужъ артистки—Млотковскій былъ, начиная съ 20-хъ годовъ прошлаго вѣка, очень виднымъ и почтеннымъ насадителемъ драматическаго искусства въ южной преимущественно Россіи. Млотковскій и Штейнъ явились на смѣну крѣпостныхъ театровъ и вызвали къ дѣятельности на поприщѣ «высокаго и прекраснаго» многихъ даровитыхъ людей. У Штейна «обыгрывался» М. С. Щепкинъ. «Въ исторіи нашего провинціального театра труппѣ Штейна принадлежитъ видное мѣсто,—правильно замѣтилъ одинъ изъ біографовъ этого славнаго артиста:— кочуя преимущественно по городамъ южной Россіи, но заглядывая и на сѣверъ, вплоть до Нижняго, труппа эта вездѣ встрѣчалась публикой съ удовольствіемъ и радушіемъ. Труппа была хорошо составлена, актеры, изъ которыхъ считалось не мало талантливыхъ, служили подолгу, а это создавало ансамбль. Даже спустя лѣтъ 30, все, что было у насъ лучшаго изъ артистическаго персонала въ провинціи, принадлежало когда-то къ труппѣ Штейна. Эти слова цѣликомъ приложимы и къ Млотковскому съ его труппой. Пользуясь сотрудничествомъ такихъ силъ, какъ Млотковская, Н. Х. Рыбаковъ, Соленикъ и т. п., онъ еще приглашалъ гастролеровъ изъ Москвы и Петербурга, и не только драматическихкихъ артистокъ и артистовъ, но также балетныхъ. Напримѣръ у него танцевала Н. К. Богданова. Сценическая школа П. М. Медвѣдева была продолженіемъ школы, какую ранѣе подвизавшіеся актеры проходили подъ ферулой Млотковскаго.

скажу, ибо роли ихъ, хотя и длинны, но такъ безцвѣтны, что изъ нихъ трудно что-нибудь сдѣлать; я ушелъ до окончанія спектакля, и потому не видалъ послѣдней пѣсы.—10-го сентября играли 1-е и 2-е дѣйствіе «Сватанья на Гончаровкѣ»¹⁾, «Дочь русскаго актера» и «Полька въ Петербургѣ», вод. въ 2-хъ картинахъ. Я большой не охотникъ до малороссійскихъ пѣсѣ и мало обращалъ вниманія на первую пѣсу; вторая—«Дочь русскаго актера» шла хорошо. Млотковская, противъ моего ожиданія, сыграла какъ нельзя лучше, такъ что послѣ незабвенной Левкѣевой²⁾ ее можно смотрѣть; кажется, это можетъ быть похвалой ей, ибо Левкѣева слишкомъ хороша въ этой роли, чтобы кого-нибудь съ ней сравнивать. — Послѣ этой пѣсы въ закулисномъ мірѣ произошла порядочная сумятица: Дранше, долженствовавшій играть въ послѣдней пѣсѣ, до сихъ поръ не возвратился изъ Харькова, куда онъ отправился на этотъ день. Театръ полонъ—какъ быть? чѣмъ замѣнить пѣсу? какъ объявить публикѣ?—воскликали жрецы и жрицы Талии. Ужъ хотѣли итти объявить публикѣ о перемѣнѣ пѣсы, но звукъ почтоваго колокольчика и крикъ: «пріѣхалъ!» остановили совѣтъ, и черезъ минуту явился г-нъ Дранше ко всеобщему удовольствію. — «Полька» шла довольно хорошо, г-жа Толченова очень мило протанцовала этотъ танецъ, всѣ артисты, участвовавшіе въ этой пѣсѣ, сыграли свои роли хорошо».

15-го сентября ставили 1-е, 2-е и 3-е дѣйствіе романтической оперы «Аскольдова Могила» и Вольховскій отзывается: «прошлаго года я видѣлъ «Аскольдову Могилу» въ Харьковѣ; тамъ она идетъ очень хорошо; декорации прекрасны, такъ что трудно говорить, чтобы на провинціальномъ театрѣ декорации могли дойти до такой степени изящества; въ Чугуевѣ обстановка не могла быть такъ хороша, потому что сцена была слишкомъ

¹⁾ «Сватанья на Гончарівці», Квитки-Основьяненко.

²⁾ Елизавета Матвѣевна Левкѣева превосходная водевильная актриса Александринскаго театра (+1881). Она играла главную женскую роль въ этомъ водевилѣ П. И. Григорьева и, очевидно, съ блескомъ, такъ какъ водевиль надолго сдѣлался репертуарнымъ.

изъ записокъ театрала 40—60-хъ годовъ.

мала для оперы.—Игра Толченова хороша и благородна, лишь бы побольше чувства и жара, чего у него недостаетъ, и черезъ это, несмотря на сценическія познанія, ловкость и хорошее сложеніе, онъ не производитъ на зрителя впечатлѣнія; пѣніе его порядочно.

«Господинъ Леоновъ, занимавшій роль Торопки, отлично пропѣлъ свои двѣ аріи въ 3-мъ дѣйстви, голосъ его чистъ и пріятенъ, метода пѣнія превосходна; будь его голосъ нѣсколько сильнѣе, онъ могъ бы пѣть съ успѣхомъ на столичномъ театрѣ; жаль, въ игрѣ его мало живости, или лучше сказать, ухарства, что должно составлять отличительную черту въ характерѣ Торопки. Г-жа Млотковская и Дранше сыграли свои роли, какъ всегда (то-есть, хорошо). Что сказать о хорахъ? лучше объ нихъ не распространяться: они могли быть гораздо лучше, а то пѣвцы и пѣвицы пѣли—кто въ лѣсъ, кто по дрова. При такой хорошей обстановкѣ надлежало бы обратить побольше вниманія на хоры, которые, кажется, не послѣдняя вещь въ оперѣ!—Нужно еще замѣтить, что «Аскольдова могила» была сокращена втрое противъ настоящаго ея подлинника; эта маленькая слабость свойственна провинціальнымъ театрамъ. Говорятъ они, что лучше, дескать, сократить... Впрочемъ, какое имъ дѣло до того, что они нѣсколько исказили смыслъ, лишь бы сборъ былъ да сбыть съ плечъ спектакль!»

«...Одиннадцатый спектакль 17-го сентября. «Еще Русланъ и Людмила», вод. въ 1 д.—«Жена и карты», вод. въ 1 д.—«Москаль Чаривникъ», вод. въ 1 д. Первая піеса уже шла довольно хорошо, г. Максимовъ очень мило исполнилъ роль молодого человѣка. «Жена и карты»—этотъ водевиль я уже видѣлъ въ Харьковѣ, въ его блестящемъ видѣ, когда роль дядюшки-чиновника игралъ самъ авторъ Григорьевъ, который въ этихъ роляхъ неподражаемо хорошъ; только онъ и П. А. Каратыгинъ могутъ представить петербургскаго чиновника, — сколько естественности! всякій жестъ, все кстати... Г-нъ *Соленикъ* исполнилъ роль дядюшки изрядно. Воспоминаніе о Григорьевѣ такъ сильно, что я не могу много говорить объ его исполненіи этой роли. Дранше въ роли юноши превосходенъ.

«Москаль-Чаривникъ»... Не терпя малороссійскаго языка, я никогда

не обращалъ вниманія на этотъ водевиль, несмотря на то, что оба раза, въ которые я его видѣлъ, роль Чупруна игралъ Щепкинъ. На этотъ разъ я хотѣлъ уйти изъ спектакля, но занавѣсъ поднялся и я остался ради убіенія времени; но на этотъ разъ я совершенно обманулся. Какъ бы я былъ счастливъ, когда бы почаще такъ обманывался!.. Игра актеровъ была такъ хороша, что я забылся. Я видѣлъ предъ собой хохловъ; нарѣче, манеры, даже мимика въ высочайшей степени естественны. А Чупрунъ (г. Соленикъ)—да это верхъ совершенства! Я видѣлъ предъ собой художника своего дѣла. А какъ онъ пропѣлъ свой куплетъ съ приплясываніемъ, я не берусь этого описывать: такую прекрасную игру надобно видѣть, а описывать ее слабому перу невозможно; въ этой роли я ставлю г. Соленика выше Щепкина ¹⁾. А г-жа Млотковская,—да это типъ хохлушки

¹⁾ Не одинъ нашъ мемуаристъ ставитъ Соленика выше Щепкина въ роли Чупруна: таковы же мнѣнія Барымова, Мизка и другихъ. «Можно-ли забыть Щепкина въ Москалѣ-Чаривникѣ», въ «Наталкѣ-Полтавкѣ?» восклицаетъ С. Т. Аксаковъ.— «Въ роли Чупруна, говоритъ Барымовъ, Соленикъ былъ лучше Щепкина. Вполнѣ владѣя малороссійскимъ языкомъ, какъ и Щепкинъ, Соленикъ придавалъ этой роли не тотъ характеръ, съ какимъ она являлась у московскаго артиста. У послѣдняго Чупрунъ простофиля, всему вѣрившій, у перваго онъ простакъ по наружности, все смекающій очень хорошо». Къ этому Т. Г. Шевченко какъ бы добавляетъ въ своемъ Дневникѣ, что онъ видѣлъ *геніальнаго* Соленика въ роли Чупруна на Ильинской ярмаркѣ въ Полтавѣ 1845 г. «Онъ показался мнѣ естественнѣе и изящнѣе неподражаемаго Щепкина». Такъ, *les bons esprits se rencontrent*.

Карпъ Трофимовичъ Соленикъ родился въ 1811 году, въ Могилевской губерніи, въ дворянской малорусской семьѣ. Послѣ основательной подготовки, 18-лѣтнимъ юношей онъ вступилъ въ Виленскій университетъ, но курса не окончилъ, такъ какъ возстаніе 1831 г. имѣло своимъ послѣдствіемъ закрытіе университета. И вотъ Соленикъ уходитъ на сцену. Начавъ въ курской труппѣ Штейна суфлеромъ, онъ вскорѣ переходитъ къ Млотковскому на отвѣтственные роли, прочно сживается съ нимъ и быстро завоевываетъ у публики такой успѣхъ, что его называютъ украинскимъ Мартыновымъ и украинскимъ Щепкинымъ. М. С. Щепкинъ отзывался о собратѣ какъ о «талантѣ первоклассномъ». Гоголь, восторгавшійся Соленикомъ, уговаривалъ его ѣхать дебютировать въ Петербургъ; туда же звалъ его и генералитетъ, пріѣзжавшій съ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ въ Вознесенскъ на маневры 1837 г., но Соленикъ не измѣнилъ провинціи, не увлекся столичными лаврами.

Соленика зналъ и высоко цѣнилъ весь югъ вплоть до Курска. Вспоминая харьковскихъ сценическихъ дѣятелей прошлаго времени, Н. И. Черняевъ собственно о Соленикѣ писалъ: «Соленика любили всѣ, отъ райка до кресель. Какъ бы ни была

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ТЕАТРАЛА 40—60-хъ годовъ.

скромной и непреклонной! Г-нъ Домбровскій прекрасно выполнилъ роль Финтика; вообще, этотъ артистъ въ каррикатурныхъ роляхъ, особенно малороссійскихъ, безподобенъ. Даже г. Карабановъ, актеръ, стоящій гораздо ниже посредственности, очень отчетливо выполнилъ роль солдата. Вообще, ensemble въ этой піесѣ былъ такой, какъ рѣдко мнѣ случалось видѣть даже на петербургской сценѣ.

«...Спектакль 19-го сентября, въ послѣдній разъ передъ отъѣздомъ труппы, въ пользу г-жи Млотковской: «Сиротка Сусанна», вод. въ 2 д.,— 4-е дѣйствіе драмы «Гамлетъ, принцъ Датскій». «Невѣста изъ провинціи», по желанію корпуснаго командира, замѣнена водевилемъ «Жена и карты».— «Дочь русскаго актера».

скучна пьеса, но если въ ней участвовалъ Соленикъ, она проходила весело. Какъ бы ни была мала и пошла роль, она дѣлалась у него замѣчательной. Бывало, въ залѣ тихо и сонно, зрители дремлютъ, но вотъ за кулисами раздается бойкій говоръ Соленика,—и всѣ поднимаютъ головы, улыбка удовольствія озаряетъ всѣ лица и руки готовятся апплодировать. При столкновеніяхъ на сценѣ со столичными знаменитостями, причемъ другіе, очень недурные, харьковскіе актеры какъ-то уходили въ тѣнь, Соленикъ всегда стоялъ на самомъ видномъ мѣстѣ».

Въ уподобленіи Соленика Мартынову и Щепкину видится его ампула, но такимъ артистамъ, какъ Карпъ Трофимовичъ, невозможно оставаться въ рамкѣ опредѣленнаго ампула: они на всѣ руки. И Соленикъ, въ качествѣ талантливаго артиста, приманки публики, благодѣтеля антрепренеру и просто умнаго сотрудника, который ничего не испортитъ, что бы ему ни дали выполнить, игралъ мартыновскія и щепкинскія роли, а въ случаѣ надобности отплясывалъ польки или, подыгрывая гастролершѣ Н. К. Богдановой, тянулъ французскіе романсы. При такихъ обстоятельствахъ, исполненіе ролей Соленикомъ не могло быть всегда совершеннымъ или артистически законченнымъ, безъ сучка и безъ задоринки, но выдающимся оно было всегда. Въ малороссійскихъ-же пьесахъ онъ всегда былъ художественно хорошъ и несравнененъ. По словамъ Мизка «Соленикъ рѣзко отличался отъ другихъ актеровъ тѣмъ, что личность украинца въ его игрѣ выходила не наивною до глупости, а полною внутренней жизни и смысла, хотя иногда и скрывающаго свой умъ подъ маскою простоты. Въ этомъ отношеніи онъ точно былъ первый украинскій актеръ».

Первый украинскій актеръ умеръ отъ чахотки на 40-мъ году отъ рожденія, 7 октября 1851 года. «Долговѣчность и слава-враги». Никакого артиста Харьковъ не хоронилъ такъ торжественно, какъ своего Соленика. «Много шло народу за гробомъ, качавшимся на дрогахъ подъ чернымъ балдахиномъ. Многіе плакали, за гробомъ шли пѣвчіе и играла погребальная музыка. На гробовой крышкѣ малиноваго цвѣта лежалъ зеленый вѣнокъ, сплетенный изъ лавра и мирта — украшеніе гроба, дотолѣ

Насталъ послѣдній спектакль. Уже часть актеровъ уѣхала, и большая часть войскъ готовилась оставить Чугуевъ. Я взялъ билетъ въ предпослѣдній рядъ стульевъ. Всѣ билеты, несмотря на довольно высокія цѣны въ первыхъ рядахъ креселъ, были разобраны, театръ былъ набитъ биткомъ. Я вошелъ—спектакль уже начался, и первое дѣйствіе сиротки Сусанны было на половинѣ. Г-жа Млотковская была очень мила, одѣта была сообразно возрасту и положенію Сусанны. Подъ конецъ перваго дѣйствія знаменитое, «остановитесь!» съ паденіемъ на колѣни было исполнено очень хорошо.

въ Харьковѣ еще невиданное». К. Т. Соленика похоронили на городскомъ кладбищѣ. Скоро забытая могила артиста, который, какъ свѣча, издерживался, свѣтя другимъ, пришла въ состояніе почти разрушенія, что вызвало одного изъ земляковъ покойнаго на сочиненіе стиховъ, долго потомъ читавшихся на надмогильномъ крестѣ Соленика:

Дывыся зъ неба, Соленыче,
 Якъ криво сердце чоловиче:
 Якъ ты колысь на свити живъ
 Та щиро публиці служивъ.
 Такъ публыка тоби живому
 Квитки кыдала, якъ солому;
 А вмеръ, артысте-небораче,
 То й байдуже!—нихто не баче,
 Що прахъ лежить твій безъ хреста...
 Пора, бачъ, гулькнула не та:
 Теперъ вже стала Украина
 Холодна буцимъ домовына.
 (Посмотри съ неба, Соленикъ,
 Какъ лукаво человѣческое сердце:
 Какъ ты жилъ
 Да ревностно публикѣ служилъ,
 Такъ публика тебѣ живому
 Цвѣты кыдала, какъ солому,
 А умеръ, артистѣ-бѣдняга,
 И—все равно! Никто не примѣчаетъ,
 Что прахъ лежитъ твой безъ креста...
 Пора, вишь, не та:
 Теперъ ужъ стала Украина,
 Словно-бы, холодной могилой).

изъ записокъ ТЕАТРАЛА 40—60-хъ годовъ.

Полагаю, что въ этой сценѣ она не уступаетъ госпожѣ Самойловой 1-й ¹⁾). Еще бы немного болѣе чувства и усиленіе голоса не мѣшало бы ей въ этой сценѣ; правда, что эта сцена такъ трудна, что почти нѣтъ возможности выразить ее удовлетворительно. Во второмъ дѣйствіи г-жа Млотковская была не такъ хороша; правда, что этому много вредило воспоминаніе о г-жѣ Самойловой; особливо въ первой сценѣ, въ ней мало было игривости. Дѣйствіе («Гамлета») началось со второй сцены. Выходитъ пастухъ въ царской одеждѣ и королева, которая въ продолженіе цѣлаго дѣйствія дѣлала страшныя гримасы ртомъ и поминутно мигала, неизвѣстно, по какой причинѣ. Это г. Бабанинъ и г-жа Соленикъ ²⁾). Оба исполнили свои роли нестерпимо дурно. Вдругъ вбѣгаетъ Офелія (Млотковская) и начинаетъ пѣть свои безумныя пѣсни. Да, это точно Офелія, обезумѣвшая отъ любви. Голосъ, мимика и жесты г-жи Млотковской вполне соотвѣтствовали этой трудной роли. Честь и слава ей. Конечно, не мѣшало бы еще немного болѣе души... но мы желаемъ совершенства? Нѣтъ мы желаемъ, чтобъ ея игра подходила къ нему: ея талантъ такъ великъ, что при большемъ стараніи и изученіи роли, она можетъ къ нему приблизиться.

«...Въ 1853 году, уже будучи женатъ, былъ въ харьковскомъ театрѣ 22 августа: «Параша Сибирячка», др. въ 2 д. съ эпилогомъ. Роль Парашы играла актриса московскаго театра, г-жа Никулина-Косицкая.

«Августа 27-го, въ бенефисъ г. Львова: «Ненависть къ людямъ и раскаяніе», др. въ 5 д., соч. А. Коцебу.—«Бѣшенство», вод. въ 1 д., переводъ съ франц. Ермолова 3-го. Въ піесѣ «Ненависть къ людямъ и раскаяніе» я въ послѣдній разъ видѣлъ незабвеннаго В. Ф. Львова, актера по призванію; черезъ 2 года послѣ этого, въ 1855 г., въ іюлѣ онъ умеръ во время ярмарки въ г. Полтавѣ. Въ день смерти онъ долженъ былъ играть въ драмѣ: «Окно во второмъ этажѣ». Утромъ передъ репетиціей съ нимъ сдѣлалась холера.

¹⁾ Надежда Васильевна Самойлова (+1899), какъ водевильная артистка, дѣлившая съ Елиз. Матвѣевной Левкѣевой лавры на сценѣ Александринскаго театра, съ котрымъ она разсталась въ 1859 году.

²⁾ Жена К. Т. Соленика, до замужества Протасова. Она пережила мужа.

«Въ 1854 году, вмѣстѣ съ моей любезной женой, мы ѣздили въ Бахмутъ на ярмарку, гдѣ были три раза въ тамошнемъ театрѣ, гдѣ играла прїѣзжая труппа изъ Севастополя подъ управленіемъ Звѣрева и Маркова.

«Въ 1856 году ни разу не былъ въ театрѣ. Въ драмѣ «Жена артиста» я видѣлъ даровитаго трагика Петра Васильевича Самойлова. Неблагопріятныя обстоятельства засушили это яркое дарованіе.

«1863 года, генваря 31, былъ (въ харьковскомъ театрѣ)—«Жоко, бразильская обезьяна», мелодрама въ 2 д. и «Она помѣшана», драма въ 2 д. (Въ этой драмѣ превосходитъ Н. К. Милославскій).

«Февраля 4 «Клара д'Обервиль», драма въ 5 д. Въ этой пьесѣ удивителенъ Н. К. Милославскій въ роли Жоржа Мориса, такъ что онъ производитъ не менѣе сильное впечатлѣніе, какъ и Айра Олдриджъ. Кто видѣлъ Милославскаго въ драмѣ Клара д'Обервиль въ роли Ж. Мориса, тотъ не жалѣй, что не видѣлъ знаменитаго африканскаго трагика Айра Олдриджа» ¹⁾).

¹⁾ Дѣйствительно, въ драматическихъ и въ «салонныхъ» роляхъ Николай Карловичъ Милославскій (1811—1882) могъ восхищать и восхищалъ публику, хотя онъ довольно легкомысленно относился къ изученію ролей и чаще игралъ, ловя каждое слово изъ суфлерской будки. Баронъ Фридебургъ по рожденію, воспитанникъ Пажескаго корпуса, левъ, остроумный собесѣдникъ, онъ обладалъ крупнымъ талантомъ и мѣтилъ попасть на Александринскую сцену (въ 1858 и въ 1860 г.), гдѣ онъ недолго подвизался въ молодости, но Вас. Вас. Самойловъ, справедливо видѣвшій въ Милославскомъ звѣзду, которая можетъ затмить его, добился того, что Милославскій не былъ принятъ и навсегда остался провинціальнымъ артистомъ и антрепренеромъ. О немъ ходитъ множество анекдотовъ. Въ роляхъ Старога барина, Губернера, Ришелье и мног. друг. Милославскій еще и теперь копируется видными провинціальными актерами. Это подражаніе передается какъ бы преемственно, по завѣту, «заходящими свѣтилами» «восходящимъ».

Айра Олдриджъ (1805—1867) умеръ и погребенъ въ Лодзи.